

ВЫБОР

A movie poster for the film 'Выбор' (Choice). The image features a man and a woman in a city at night. The woman is in the foreground, looking directly at the camera with a serious expression. She has dark, wavy hair and is wearing a black leather jacket. The man is behind her, looking off to the side. He has light-colored, wavy hair and is also wearing a dark jacket. The background is a blurred city street at night with red and blue lights. The title 'ВЫБОР' is at the top in large, white, serif font. There is a rating '18+' in a white circle at the bottom right. A small black box with white text is at the bottom left.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эл. Май

Выбор

«Автор»

2026

Май Э.

Выбор / Э. Май — «Автор», 2026

Марлоу — портовый город, где вечно идёт дождь, а огни полицейских мигалок отражаются в мокром асфальте. Когда-то он процветал, теперь — медленно тонет в собственных тайнах. А Ён — детектив, которая привыкла играть по правилам. Джет — преступник, который эти правила писал под себя. Их не должно было связывать ничего, кроме наручников. Но пропала девочка, по улицам ходит убийца, которого не может вычислить полиция, — и у каждого из них есть то, что нужно другому. Сделка проста: месяц она не трогает его. Взамен он находит то, что не может найти закон. Вот только чем ближе они подбираются к правде, тем труднее понять, кто кого использует — и почему с каждым днём всё сложнее отпустить. Он преступник. Она — та, кто должна его посадить. И это худшее, что могло случиться с ними обоими.

© Май Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Г	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эл. Май

Выбор

Глава 1

Дождь в Марлоу не начинался и не заканчивался — он просто был. Как река, как бетон, как запах мокрого асфальта, въевшийся в каждую улицу от Оуквуда до Докленда. Двести шестьдесят дней в году небо над городом выглядело так, будто кто-то натянул на него старую серую простыню и забыл снять.

А Ён не замечала дождя. Не сегодня.

Квон шла по коридору второго этажа Четвертого участка, и стук её каблучков по линолеуму звучал чаще, чем следовало бы. Папку, которую ей ещё не отдали, она уже чувствовала в руках — тяжёлую, синюю, пахнущую старой бумагой и чужими неудачами. Полгода она ждала этого дня. Полгода собирала вырезки, вела неофициальные записи, изучала каждое ограбление, каждую камеру, каждый мёртвый след. И вот Миллер ушёл на покой — сердце не выдержало, — а его дело осталось без хозяина.

Коллеги, попадавшиеся по пути, провожали её взглядами. Кто-то — с сочувствием. Кто-то — с тем особенным выражением, которое А Ён за три года в участке научилась читать безошибочно: «Ну-ну, посмотрим, надолго ли тебя хватит».

Дверь кабинета Гранта была приоткрыта. А Ён постучала костяшками — больше из вежливости, чем из необходимости — и вошла. Маркус Грант сидел за столом, подперев голову рукой, и смотрел на толстую синюю папку так, будто та могла укусить. Он не поднял глаз.

— Ты уже знаешь, — буркнул он не спрашивая, а констатируя. — Сплетни в этом участке разносятся быстрее, чем запах кофе в восемь утра.

— Я готова, Грант. У меня есть наработки, анализ его почерка, я знаю, где он засветился последний раз...

— Сядь.

А Ён не села. Она сделала уверенный шаг к столу.

— Дай мне этот шанс, и я вытащу его из норы.

Ладонь Гранта поднялась — медленно, устало, как у человека, который слишком много раз слышал подобные обещания.

— Миллер тоже так говорил. Двадцать два года в отделе, безупречный послужной список. Знаешь, чем кончилось? Инфарктом на парковке участка. Скорая еле успела, — Грант наконец посмотрел на неё. Его глаза были красными от недосыпа. — Ты молодая. Амбициозная. И чертовски самоуверенная, Квон. Это дело твоё только потому, что больше никто не хочет к нему прикасаться. Не сияй так, будто выиграла в лотерею.

— Это работа, Грант. Я справлюсь с ней лучше всех.

— Это не работа. Это капкан, — он пододвинул папку к краю стола. — Блондин не просто грабит. Он превращает в посмешище каждого, кто за ним охотится. Миллер посидел за месяц. Хоуп до него продержалась три. Ты уверена, что хочешь быть следующей?

А Ён взяла папку. Прижала к груди. Она весила больше, чем казалось на первый взгляд, но эта тяжесть была приятной. Слова Гранта пролетели мимо её ушей.

— У меня получится, Грант.

— Иди, — бросил он ей в спину. И тише, почти себе под нос добавил: — Господи, помоги мне.

А Ён вышла в общий зал, и мир на секунду стал ярче — даже тусклые лампы дневного света, даже серый линолеум, даже бурые пятна на потолке от протечки, которую чинили с

прошлого лета. Она прошла к своему столу в углу — тому самому, который достался ей, потому что никто другой не хотел сидеть рядом с гудящим кондиционером — и опустилась на стул. Он приветственно скрипнул, как старый друг.

Папка легла на стол рядом с остывшим стаканчиком вчерашнего кофе и стикером от Хлои с нарисованным черепом и подписью «дедлайн!!!». А Ён открыла первую страницу.

— О нет, — раздался над ухом голос, пропитанный иронией. — Только не говори мне, что наша «Золотая девочка» всё-таки выбила себе смертный приговор.

Сэм Вэйн оперся на край её стола. Помятый пиджак, добрые глаза, вечная полуулыбка человека, который давно перестал удивляться, но не перестал находить всё забавным.

— А Ён, детка, у нас в Марлоу полно приличных грабителей, которые сдаются без боя. Зачем тебе именно этот?

— Ты же знаешь, Сэм, лёгкие пути к повышению — не мой стиль. К тому же, кто-то должен спасать репутацию участка, пока вы с Бенни спорите о глазури на пончиках.

— Эй! — отозвался от соседнего стола Бенни, не отрываясь от принтера, который жевал бумагу с упорством, достойным лучшего применения. — Это был важный спор. Но серьёзно, А Ён, будь осторожна. Миллер из-за этого парня поседел за месяц.

— Я ценю вашу заботу, парни, правда, — А Ён подняла взгляд. — Но я полгода выпрашивала это дело и готовилась. Я знаю об этом парне больше, чем он сам.

А Ён посмотрела на открытую первую страницу — и замерла. Фотография. Размытый снимок с камеры наблюдения. Высокий силуэт, торчащие из-под черной кепки светлые волосы, и — полуулыбка, адресованная прямо в объектив. Он не прятался, он позировал.

— Смотри не влюбись, Квон, — хохотнул Сэм, заметив, как долго она рассматривает снимок. — Такие красавчики — самая большая проблема. Сначала они крадут ювелирку, а потом девичьи сердца.

— Сэм, — А Ён выразительно приподняла бровь. — Если он украдёт у меня хоть что-то, можешь есть мой обед целую неделю.

— Ловлю на слове! — он хлопнул ладонью по столу. — Пошли, Бенни. Оставим нашу героиню наедине с её новой страстью.

Они ушли. Без порой надоедливых, но любимых коллег, зал наполнился привычным гулом — звонки, клавиши, чей-то смех, шум дождя за окном. А Ён осталась одна. Квон провела кончиками пальцев по зернистому снимку. Блондин. Пока безымянный. Пока неуловимый.

«Ты играешь, — подумала она. — Но я не из тех, кто проигрывает».

Ознакомившись с содержимым и наконец закрыв папку спустя пятнадцать минут, А Ён подхватила пиджак и направилась к лестнице вниз — в техотдел, расположенный почти в подвале, где всегда пахло перегретым пластиком и энергетиками. Маленькое царство Гэри Чена — парня, который, казалось, родился с клавиатурой в руках вместо погремушки.

— Гэри, — А Ён открыла дверь без стука и прислонилась к косяку. — Скажи мне, что ты сохранил исходники с камеры на парковке у «Мэд».

Гэри, не отрываясь от монитора, поднял большой палец.

— Ты знал, что я тебя обожаю?

— Квон, ради таких слов я храню даже записи того, как Эшхок ковыряет попкорн из зубов, думая, что его никто не видит, — он развернулся на кресле. — Запись есть. Но предупреждаю: семь часов ничего. Ни одного лица.

— Мне не нужны лица. Мне нужны колёса.

Через минуту на мониторе поплыли кадры. Ночь, ливень, пустая стоянка. В оригинальном деле этот фрагмент пометили как «пустой» — ничего интересного. Но А Ён доверяла своей интуиции больше, чем чужим пометкам. Блондин не мог просто испариться.

— Стоп. Верни на 03:46.

Она подалась вперёд, почти уткнувшись носом в экран.

— Вот. Видишь?

В углу кадра — чёрный силуэт седана. Дождь размывал номера, боковые стёкла закатаны тонировкой. Но на лобовом, если присмотреться...

— Можешь вытянуть чёткость? В салоне кто-то есть.

Гэри методично застучал по клавишам. Пиксели начали выстраиваться в очертания. Контур человека на пассажирском сиденье и слабое красное мерцание у приборной панели.

— Сигарета? — спросил Гэри.

— Нет. Свет слишком ровный, ритмичный. Это зажигалка. Кто-то сидел в машине и щёлкал зажигалкой. Не курил — щёлкал.

— Сигнал?

— Или привычка. Включи запись дальше.

И в этот момент дверь распахнулась, в комнату протиснулся Бенни с двумя пакетами, из которых шёл пар.

— Эй, хватит ломать глаза. Грант сказал, что если Квон не поест, она начнёт кусать людей, а у нас и так недобор в штате.

— Бенни, ты святой, — Гэри потянулся к палочкам. На осуждающий взгляд А Ён пожал плечами: — Что? Мозгу нужна глюкоза. Кстати, наша Квон нашла призрака в чёрном седане.

— Опять этот седан? — Бенни без интереса глянул на экран, забрасывая в рот порцию лапши. — Квон, брось. Тачку уже пробивали. Числится в угоне в трёх штатах, нашли брошенной под мостом в двух кварталах от ювелирки. Ни отпечатков, ни волоса, ни запаха. Этот парень чище совести младенца.

— Чистота — тоже след, Бен, — А Ён потянулась за лапшой, хотя аппетита не было. Она всё смотрела на красное мерцание. — Если человек не оставляет следов, значит, он тратит на это время. А время можно отследить.

В дверях возник Сэм, размахивая листком бумаги.

— Квон! Тут из архива пришёл запрос. Миллер перед уходом заказывал экспертизу — не по Блондину, а по какому-то старому делу. Связи ноль, но Грант велел передать тебе. Типа, теперь всё твоё, разбирайся.

А Ён выхватила листок. Прочла. И что-то в её глазах изменилось — Гэри потом скажет Бенни, что это было похоже на момент, когда собака берёт след.

— Гэри, забудь про машину. Найди мне всё о владельцах заброшенного склада на Второй улице. Тех, что обанкротились в тот же год, когда появился наш Блондин.

Бенни и Сэм переглянулись.

— Она опять, — вздохнул Сэм.

— Если она его поймает, — Бенни ткнул палочками в сторону А Ён, — Я надену платье и станцую чечётку на капоте её служебной машины.

— Записала, — не оборачиваясь, бросила А Ён.

Она уже не слушала. Перед ней разворачивалась нить — тонкая, почти невидимая, но настоящая. Какую связь нашёл Миллер? Что делал человек в чёрном седане, щёлкая зажигалкой в пустоту ночного города? А Ён хотела это знать. И впервые за полгода ожидания она чувствовала, что ответ — близко.

Глава 2

К полуночи дождь усилился.

А Ён сидела уже в своей машине на парковке у участка, не в силах заставить себя повернуть ключ зажигания. Капли бесконечного дождя на лобовом стекле казались ей серыми помехами на старом телевизоре. Распечатка квитанции лежала на пассажирском сиденье — Гэри выудил её из оцифрованных архивов склада. Имя арендатора было фальшивым, но адрес регистрации вёл к детскому приюту на окраине Марлоу. Приюту, который закрыли десять лет назад.

Она съездила туда после смены. Ожидала увидеть развалины, но увидела ухоженное здание и пожилого охранника, который обрадовался ей, как родной.

— Приют давно закрыт, — сказал он. — Но некоторые из бывших воспитанников до сих пор оплачивают его содержание. Не дают стенам рухнуть.

— Вы знаете их имена?

Мужчина знал. Он проработал в приюте почти всю жизнь и помнил каждого ребёнка. Достал фотографии — старые, с загнутыми углами. Пять имён. Пять лиц.

Фиона Дженкинс. Сара Уэллс. Уолтер Грэйвс. Пол Фостер.

И Джет Эллингтон.

А Ён закрыла глаза. Размытая полуулыбка с камеры наблюдения вдруг обрела чёткость. Блондин, которым он на самом деле не был, обрел лицо и имя — она узнала его, лишь единожды глянув на изображение, словно знала его всегда. Мальчик из приюта, который вырос и стал вором. Или вор, который когда-то был просто мальчиком из приюта. Она не знала, какая формулировка правильная, и это её беспокоило.

Дворники смахнули очередную порцию капель. А Ён достала телефон и набрала Гранта. Он ответил после четвёртого гудка. Голос был хриплым, сонным, и на фоне слышался детский смех — дочка, вспомнила А Ён.

— Квон? Ты время видела? Нормальные люди в час ночи спят. Или хотя бы притворяются.

— Маркус, — она редко называла его по имени, и он это знал. — У меня есть его имя. Джет Эллингтон.

А Ён рассказала ему всё: склад, фиктивный фонд, приют «Сент-Солас», пять имён. На том конце провода повисла тишина — та особенная тишина, когда Грант тёр переносицу, решая, гордиться ею или злиться.

— Слушай меня, А Ён. Твой отец был бы в ярости, если бы узнал, как глубоко я позволяю тебе копать. И я обещал твоей матери, что ты будешь в безопасности, а ещё лучше — что будешь перекладывать бумажки в архиве.

— Ты знаешь, что это невозможно, — мягко перебила девушка.

— Знаю. И это чертовски меня бесит, — вздох. Долгий, тяжёлый, полный всего, что он не мог сказать вслух из приличия. — Просто будь осторожна. Не таскайся одна по заброшенным местам ночью. Поезжай домой сейчас же. Обещай мне. Завтра мы всё обсудим.

— Обещаю. Спокойной ночи, Маркус.

Она отложила телефон и откинулась на сиденье. Говорят, у каждого полицейского есть «свое» дело. То, которое снится по ночам, которое не отпускает даже за ужином, ни в душе, ни даже во сне. Для А Ён таким делом стал Блондин — теперь уже Джет. Она оббивала порог Гранта месяцами, допрашивала свидетелей по второму кругу, когда не имела на это права, изучала каждый снимок, каждую строчку досье.

Но в последнее время она начала задаваться вопросом — почему? Не «зачем» — с этим всё было просто: повышение, репутация, способ доказать, что она не «Золотая девочка», а настоящий детектив. А именно «почему» — почему её тянуло к этому делу с такой силой,

будто оно было не работой, а чем-то личным. Ответ она пока не нашла. И не была уверена, что хочет его искать.

Внезапно телефон ожил. Резкий звонок разрезал тишину салона так, что Квон испуганно вздрогнула. Неизвестный номер. А Ён посмотрела на часы — 01:36 — и нехотя, опасливо ответила.

— Слушаю.

— А Ён, пожалуйста, не клади трубку.

Всё внутри неё сжалось. Дилан — его голос она не спутает ни с кем, даже спустя два года тишины. Два года, потраченных на то, чтобы собрать себя по кускам после него, — и вот он снова здесь, в её телефоне, в её ночи, в её жизни.

— Дилан, какого...

— Джули пропала. Моя сестра исчезла. Два дня назад.

Холод прошёл по спине. Джули. Маленькая, юркая Джули, которая выросла у А Ён на глазах за те четыре года, что она была с Диланом. Единственное светлое, что осталось от тех отношений. И если Дилан звонил ей — значит, он в отчаянии. Настоящем, а не том, которое он умел разыгрывать ради денег или жалости.

— Ты обращался в полицию?

— Да. Говорят, подросток, наверное, сбежала из дома. Стандартная отговорка. А Ён, я знаю свою сестру. Она бы не сбежала. Помогите мне. Ты единственный честный коп, которого я знаю.

А Ён смотрела на дождь за лобовым стеклом. Капли ползли по стеклу, сливаясь друг с другом, меняя направление, исчезая. В голове звучало эхо голоса Дилана — надломленного, лишенного той самоуверенности, которую А Ён когда-то так любила и так ненавидела.

— Дилан. Приходи завтра в участок к двенадцати. Напишешь заявление и жди звонка.

Она сбросила вызов, не дав ему ответить, и уронила голову на руль. Джет Эллингтон и пропавшая Джули. Новое дело и старая боль. Где-то в глубине сознания, там, где жила интуиция, шевельнулось нехорошее предчувствие — смутное, безымянное, похожее на тень в периферийном зрении.

А Ён подняла голову резко, до хруста в шейных позвонках, завела двигатель и поехала домой. Марлоу провожал её монотонным шумом капель, как и всегда. Хэмптон в час ночи был тих и пуст — только мокрые тротуары, тёмные окна и свет круглосуточного магазина на углу Мэйпл-стрит. А Ён припарковалась у своего дома — железобетонная девятиэтажка, ничем не примечательная, — и вышла под дождь.

Подъезд встретил миганием неисправной лампы и запахом застоявшейся влаги. Лифт застрял где-то наверху и Квон пошла пешком — шесть этажей, привычный маршрут. На третьем пролёте перегорела лампочка, и А Ён прошла этот участок в темноте, считая ступени по памяти.

На шестом этаже она остановилась у двери, нащупала ключи и замерла. Что-то было не так.

Она не могла объяснить, что именно. Воздух? Звук? Отсутствие звука? Четыре года патрульной работы до перевода в детективы научили её одному: если тело говорит «опасность» — слушай его.

Правая рука легла на кобуру. Левая медленно повернула ключ. Дверь открылась и впереди показалась тёмная прихожая. Всё было на месте — вешалка, обувь, зеркало. Ничего необычного.

А Ён шагнула внутрь и дверь за ней закрылась — мягко, без щелчка.

Чужой рукой.

— Не трогай оружие.

Голос — негромкий, спокойный, очень близко, буквально за спиной. Квон почувствовала чужое присутствие как изменение давления в комнате — что-то большое, тёплое, опасное, заполняющее всё пространство вокруг и вытесняющее кислород.

— Просто пройди в комнату. Нам нужно поговорить.

Каждая клетка её тела кричала: развернуться, выхватить пистолет, действовать. Годы тренировок, сотни часов на стрельбище, вбитые в мышечную память приёмы. Но голос в её голове — не тренерский, а собственный, тихий, трезвый — сказал: «Он стоит слишком близко. Если у него оружие, ты не успеешь».

— Кто ты? — она не узнала свой голос. Слишком ровный для того, что она чувствовала.

— Думаю, ты знаешь.

Пауза. Секунда. Две.

— Джет Эллингтон, — сказала А Ён.

— Просто Джет. Проходи. Пожалуйста.

«Пожалуйста». Вор, о котором она полгода бредила, стоял в её прихожей и говорил «пожалуйста». А Ён почувствовала, как внутри, под слоем страха, шевельнулось что-то абсурдное — почти смех. Или истерика. Грань была слишком тонкой.

Она прошла в комнату, на ходу щёлкнула выключателем. Свет залил гостиную, и А Ён обернулась, чтобы наконец увидеть его. Джет стоял у двери, прислонившись плечом к косяку, — высокий, в тёмной куртке, светлые волосы влажные от дождя. Без маски, без капюшона. Лицо, которое она изучала на десятках размытых снимков, оказалось... обычным. Красивым — да, она не могла этого отрицать, — но обычным. Человеческим. Не монстр, не тень, не призрак с камеры наблюдения. Просто парень, стоящий в её квартире.

В правой руке он держал пистолет. Не направлял на неё — просто держал, опустив вдоль тела.

— Сядь, — сказал он. — У меня к тебе предложение.

— У меня тоже. Ты можешь сдаться прямо сейчас, и я даже не стану бить тебя по дороге в участок.

Уголок его губ дрогнул. Не улыбка — намёк на неё.

— Квитанция, которую ты нашла сегодня. Мне нужно, чтобы ты её отдала.

А Ён почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Квитанция. Он знал. Знал о её находке, знал, что она ездила к приюту, знал, где она живёт. Джет следил за ней и, возможно, не день и не два. Давно.

— Откуда ты...

— Я присматриваю за всеми, кто ведёт моё дело. Миллер был осторожнее, в отличие от тебя. Ты — чуть талантливее.

— Это комплимент?

— Это факт.

Квон стояла посреди собственной гостиной, напротив вооружённого преступника, и вела с ним почти светскую беседу. Где-то в параллельной вселенной Маркус Грант уже умер от инфаркта.

— Квитанция, — повторил Джет. — И кое-что ещё. Я хочу предложить тебе сделку.

— Я не заключаю сделок с преступниками.

— Я предлагаю сделку с человеком, у которого есть информация. И у меня её много. Больше, чем ты найдёшь за год работы, — парень чуть наклонил голову, изучая её. — Отдай квитанцию. Забудь про приют, про фонд, про имена. Взамен я дам тебе кое-что получше.

— Что именно?

— Адреса. Склады. Имена людей, которые скупают краденое в Марлоу. Не мои — чужие. Ты закроешь три дела за месяц и получишь повышение, о котором мечтаешь. А я получу время.

— Время для чего?

Джет не ответил, лишь прищурился. И что-то промелькнуло в его глазах — быстро, как тень облака, — и исчезло.

— Месяц, — сказал он, голос его стал требовательней. — Дай мне месяц. Не ищи меня, не копай. Через тридцать дней я сам приду к тебе и отвечу на любой вопрос.

А Ён молча смотрела на него. На пистолет в его руке. На его лицо — спокойное, почти скучающее, но с чем-то на дне глаз, что не вязалось со всем остальным.

— Нет, — сказала она. И потянулась к кобуре.

Она знала, что не успеет. Знала в тот момент, когда её пальцы коснулись рукояти. Но тело действовало быстрее разума — годы тренировок, мышечная память, инстинкт. И простая надежда на удачу.

Джет двигался иначе. Не как полицейский — как человек, который всю жизнь дрался не по правилам. Его рука перехватила её запястье прежде, чем пистолет покинул кобуру. Хватка была железной, точной, безболезненной — он не хотел причинить ей боль, и А Ён это поняла в ту же секунду, что и другое: он мог бы.

Её пистолет оказался в его руке. Он отступил на шаг, разрядил обойму одним движением и положил оружие на тумбочку у двери.

— Я просил по-хорошему, — сказал он. Без злости. Без торжества. С чем-то похожим на усталость.

А Ён стояла с пустыми руками, с бешено колотящимся сердцем, и чувствовала, как щёки заливают жар — не от страха, от унижения. Он обезоружил её за секунду. Играючи.

— Квитанция, — повторил он в третий раз.

— В сумке, — процедила она сквозь зубы. Джет поднял сумку с пола, достал квитанцию, сунул в карман. Не посмотрел на неё — знал, что там написано.

— Спасибо, — сказал он. И направился к окну.

— Ты влез через пожарную лестницу, — это был не вопрос.

— Замок на окне сломан. Тебе стоит это исправить.

Он открыл окно. Холодный воздух и шум дождя ворвались в комнату.

— Подумай над моим предложением, — сказал Джет, уже стоя на лестнице. — Месяц — это немного. А информация, которую я могу дать, стоит больше, чем моя поимка.

— Я найду тебя и без твоей информации.

Он посмотрел на неё — долго, внимательно, будто запоминая.

— Может быть, — сказал он. — Но к тому времени будет поздно.

Джет исчез в дожде. Подойдя к окну, А Ён встала напротив, чувствуя, как дождь мочит лицо, и смотрела в темноту. Руки дрожали, но не от холода. Она закрыла окно. Подошла к тумбочке, взяла свой разряженный пистолет, попыталась вставить обойму обратно — ей понадобилось две попытки.

А потом Квон села на пол — прямо на пол, прислонившись спиной к стене. Из телефона в её руке слышались первые гудки.

Джет

У тротуара, в тени раскидистого дерева, стоял чёрный седан с работающим двигателем. Джет сел на пассажирское сиденье и захлопнул дверь.

— Ну что, Ромео? — Джакс, развалившийся за рулём, ухмыльнулся. — Свидание затянулось. Я уже думал, что детектив Квон заковала тебя в розовые наручники и зачитывает права перед сном.

— Поехали уже.

Машина скользнула в темноту. Надоедливые капли барабанили по крыше.

— Получил свою бумажку?

Джет достал квитанцию и повертел перед его носом.

— И ради этого клочка ты устроил весь цирк? — Джакс покачал головой. — Мог бы просто попросить меня. Я бы стащил её сумку, пока она заказывала кофе на заправке.

— Мне нужно было увидеть её.

— Зачем?

Джет не ответил сразу. Он смотрел, как огни ночного Марлоу скользят по мокрому стеклу.

— Мне нужно было понять, с кем имею дело, — сказал он наконец. — Миллер был упрямый, но предсказуемый. Эта — другая. И появилась она не вовремя.

— Другая — это как?

— Не испугалась. Я стоял перед ней с пистолетом, а она попыталась выхватить своё оружие. Либо храбрая, либо глупая.

— Или и то, и другое, — хохотнул Джакс.

— Кстати, а что насчет машины, которую мы бросили под мостом? Зачистил?

— Обижаешь. Ни отпечатков, ни ДНК. Чисто.

Джет кивнул. Откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Квон А Ён. Детектив. Хэмптон, Мэйпл-стрит, шестой этаж. Карие глаза, тёмные волосы, руки, которые тянутся к оружию раньше, чем голова успевает подумать. Упрямая. Опасная. Живая.

Он предложил ей сделку. Она отказалась. Но он видел, как она слушала — внимательно, жадно, как человек, который хочет сказать «да», но не может.

— Куда едем, Джет?

— Домой, — ответил парень.

Джакс повернул руль, и седан растворился в дожде Марлоу.

Глава 3

Утро в Четвёртом участке начиналось всегда одинаково: запах кофе из автомата, гул принтеров, чей-то мат из-за зажёванной бумаги. Но сегодня к привычному набору добавился ещё один элемент — А Ён, сидящая в кабинете Гранта с таким лицом, будто не спала трое суток. Что было недалеко от истины.

Она рассказала ему всё. Про Джета в квартире, про квитанцию, про сделку. Не рассказала только про то, как просидела на полу час в тщетной попытке осмыслить всё, что произошло, пока ждала помощи — это было уже личное.

Грант слушал молча. Потом встал, подошёл к окну, постоял спиной к ней. Когда повернулся, его лицо было таким, каким А Ён видела его только однажды — когда в участке погиб молодой патрульный три года назад.

— Ты понимаешь, что он мог тебя убить?

— Он не собирался.

— Откуда ты знаешь?

— Он разрядил мой пистолет и положил на тумбочку. Если бы хотел убить — не стал бы разговаривать.

Грант потёр переносицу.

— С сегодняшнего дня ты на больничном.

— Что?!

— Месяц. Я договорился. Дело Блондина передадут...

— Нет! — А Ён вскочила. — Маркус, он пришёл ко мне! В мой дом! Именно потому что я близко! Если ты снимешь меня сейчас...

— Если я не сниму тебя сейчас, следующий визит может закончиться не разговором, — голос Гранта стал тихим, что было хуже крика. — А Ён, я обещал твоей матери. Я обещал.

Она хотела спорить. Хотела кричать, что это несправедливо, что она справится, что Джет не опасен — или опасен, но она готова. Но увидела его глаза — усталые, испуганные, отцовские — и слова застряли в горле.

Грант достал из кармана связку ключей и положил на стол.

— Квартира для защиты свидетелей на другом конце города. О ней будут знать три человека.

— Я не поеду в конспиративную квартиру.

— А Ён...

— Я вернусь к себе. У меня там всё. И если меня сняли с дела, у Джета больше нет причин приходить.

Они смотрели друг на друга — долго, упрямо, как два человека, которые слишком хорошо друг друга знают.

Стук в дверь прервал молчание. Хлоя заглянула в кабинет — растрёпанные русые кудри, быстрый взгляд, оценивший обстановку за полсекунды.

— Извините. А Ён, там внизу парень. Говорит, вы договаривались на двенадцать.

А Ён зажмурилась. Двенадцать. Дилан. Она забыла.

— Чёрт, Дилан...

— Дилан? — лицо Гранта окаменело. Имя прозвучало так, будто он выплёвывал что-то ядовитое. — А Ён, ты издеваешься? У тебя преступник ломится в квартиру, а ты ещё собираешься возиться с этим...

— Это не твоё дело, Маркус.

— Всё, что касается тебя — моё дело!

— Его сестра пропала. Ей шестнадцать.

Грант замолчал. Это был аргумент, который он не мог отбить сразу и А Ён, пользуясь его заминкой, вышла не оглядываясь. За спиной она слышала, как Грант тяжело опустился в кресло, и как Хлоя тихо спросила: «Ключи ей отдать?» — и его ответ: «Отдай. И проследи, чтобы она не наделала глупостей. Хотя бы сегодня».

Дилан ждал в вестибюле первого этажа. Он мерил шагами пространство между автоматом с кофе и стендом с ориентировками, и А Ён на секунду остановилась на лестнице, прежде чем он её заметил.

Он выглядел плохо. Не так, как два года назад, когда она нашла его без сознания в ванной и вызвала скорую, — по-другому. Худой, небритый, с провалившимися глазами. Одежда чистая, но мятая, будто он спал в ней. От прямой и горделивой осанки, которую она когда-то любила, не осталось ничего.

А Ён потратила несколько секунд на то, чтобы собрать мысли в кучу и спустилась. Дилан увидел её, шагнул навстречу, открыл рот — и она остановила его жестом.

— Садись. Заполняй.

Она положила перед ним бланк и ручку. Дилан сел. Квон села напротив. Между ними был стол, бланк и два года молчания.

— Пиши всё, — сказала А Ён. Голос ровный, профессиональный. Внутри — совсем другое, но внутри никто не видит. — Во что была одета Джули, когда ты видел её последний раз. Время. Место. Подозрительные машины, люди, звонки.

Дилан писал. Руки дрожали, буквы прыгали, но он старался. А Ён смотрела на его склонённую голову и думала о том, как странно устроена память: она помнила запах его шампуня, но не помнила, когда перестала его любить. Был ли конкретный момент? Или это происходило постепенно, как дождь размывает надпись на асфальте — буква за буквой, пока не останется ничего?

— Последний раз я видел её утром, — тихо заговорил Дилан, не поднимая глаз. — Она выходила из подъезда. Подъехала серая машина. Марку не разобрал, номера грязные. Джули села, и всё. Я думал, подруга. Но она не вернулась и не отвечает на звонки.

— Ты жил отдельно. Почему был там?

— Мама попросила. Ей нужно было отвезти вещи в больницу. Сердце. Какая-то операция. Она хотела, чтобы я присмотрел за Джули, пока её не будет, — его голос надломился. — Мама не знает, что Джули пропала. Если узнает...

— Не узнает, — сказала А Ён. Не потому что была в этом уверена. Потому что это нужно было сказать.

Дилан закончил писать. Поднял на неё глаза — голубые, знакомые до боли, — и А Ён поняла, что не чувствует ничего. Не злость, не любовь, не жалость. Пустоту. И эта пустота была ответом на вопрос, который она боялась себе задать пару лет.

— Иди, — сказала она. — Жди звонка.

Он ушёл. А Ён осталась сидеть, глядя на заполненный бланк. Почерк Дилана был таким же, как раньше, — мелким, наклонным, с незакрытыми «о». Некоторые вещи не меняются. Люди — меняются.

— Квон, ты здесь!

Бенни и Сэм появились из-за угла, оба с кофе, оба с тенями под глазами. Они были первыми, кто приехал к ней и проработали в её квартире всю ночь.

— Что с квартирой? — спросила А Ён.

— Закончили. Чисто, — Бенни сел рядом. — Криминалисты собрали всё, что могли. Но, А Ён... там нечего собирать. Ни отпечатков, ни волос, ни волокон. Этот парень как призрак.

— Я знаю.

— Ты в порядке? — Сэм смотрел на неё тем взглядом, который она не любила — внимательным, видящим больше, чем она хотела показать.

— В полном.

— Врёшь.

— В относительном.

Он хмыкнул. Бенни молча пододвинул ей свой кофе, а А Ён взяла и отпила. Автоматный кофе был отвратительным, как всегда, но горячим, и сейчас этого было достаточно.

Из-за колонны появилась Хлоя. В руке она держала связку ключей, которая звякнула, привлекая внимание.

— Грант велел отдать, — сказала она, протягивая ключи. — Конспиративная квартира. На случай, если передумаешь.

— Не передумаю.

— Я знаю. Поэтому просто положу их тебе в карман, и если они тебе не понадобятся — отлично, — Хлоя сделала именно это, не дожидаясь разрешения. — На чём поедешь домой? Ты без машины.

— Я...

— Подожди пять минут. Подброшу.

Хлоя ушла. А Ён сидела, сжимая в одной руке чужой кофе, чувствуя в кармане чужие ключи, и думала о том, что Грант был прав в одном: Джет знал о ней всё. Где она живёт, чем занимается, что нашла. Он пришёл в её дом, забрал улику и ушёл, не оставив ни следа, но он оставил кое-что другое. Предложение. Сделку. И вопрос, на который у неё пока не было ответа.

Сэм тронул её за плечо.

— Эй. Что бы ни случилось — мы рядом. Ты знаешь это, да?

А Ён посмотрела на него. На Бенни, который делал вид, что читает бланк Дилана, но на самом деле просто сидел рядом, потому что так было нужно. На Хлою, которая уже возвращалась с ключами от машины.

— Знаю.

Глава 4

Джет

Квартира встретила его сквозняком и тишиной. Джет запер дверь — два замка, засов, цепочка — и прислонился к ней лбом. Холодный металл остудил кожу, но не мысли. Он простоял так с минуту, слушая, как за стеной капает вода из неисправного крана у соседей, и как где-то внизу хлопает подъездная дверь.

Он ненавидел это место.

Не конкретно эту квартиру — хотя и её тоже, с её бетонными стенами, протёртым линолеумом и окном, из которого был виден только торец соседнего дома. Он ненавидел сам факт: что это — всё, что у него есть. Временное убежище, одно из нескольких, разбросанных по Истсайду. Ни одно из них не было домом. Ни одно из них не ждало его.

Джет прошёл в ванную, стянул мокрую футболку, бросил на бортик. Посмотрел на себя в зеркало — мутное, с трещиной в углу — и отвернулся. Надел чистую майку и рубашку, которую на прошлой неделе купил Джакс. «Тебе идёт синий», — сказал тот, и Джет не стал спорить, хотя ему было всё равно, что идёт, а что нет. Одежда — это функция. Тепло, незаметность, карманы.

На кухне он поставил чайник на плиту — электрический сторел в начале месяца — и достал из холодильника яйца. На краю стола лежала старая кулинарная книга. Единственная вещь, которую он возил с собой из квартиры в квартиру, из года в год. Обложка потёрлась до картона, страницы пожелтели, а на форзаце, аккуратным почерком, было написано: «Джету от мамы. Жду шедевров на ужин!».

Он не открывал её ни разу с тех пор, как выпустился из приюта. Просто знал, что она здесь — просто книга, напоминающая о том, что он когда-то мечтал. Когда-то он хотел стать поваром. Или врачом. Кем-то, кто делает людям хорошо. Мама верила, что у него получится. Мама верила во всё, что касалось его, — до последнего дня.

Нож завис над луковицей. И кем он стал?

Вором. Человеком, который входит в чужие квартиры через пожарные лестницы и забирает то, что ему не принадлежит. Человеком, от которого шарахаются на улицах Истсайда — или, наоборот, идут к нему с проблемами, потому что полиция не придёт, а Джет — придёт. Человеком, который прошлой ночью стоял за спиной у девушки-полицейского и говорил «пожалуйста», потому что не хотел делать ей больно, но был готов, если придётся.

Он ненавидел себя за это «был готов». Ненавидел за то, что оно стало привычным.

Сбежать из страны — невозможно. Залечь на дно — почти невозможно. Сдаться — можно, но тогда Крис останется один, а Крис не выживет один, потому что Крис — глупый, добрый, запутавшийся мальчишка, который думает, что преступная жизнь — это романтика, а не медленное удушение.

Джет рубанул по луковице. Резко, с размаху. Половинки разлетелись по столу.

— Плевать, — сказал он пустой кухне. — Мой выбор.

Звонок в дверь ударил по тишине, как выстрел. Джет замер. Нож в руке развернулся, превратившись из кухонного инструмента в оружие, всего одним движением кисти. Он бесшумно двинулся по коридору, прижимаясь к стене. Звонок повторился — длинный, нетерпеливый. Телефон в кармане завибрировал. Джет глянул на экран.

— Джет, это я! Открой! — голос из-за двери.

Он выдохнул. Опустил нож. Открыл.

Крис стоял на пороге — мокрый, улыбающийся, с пакетом из магазина.

— Я просил предупреждать, — сказал Джет, пропуская его внутрь. — Минуту назад я шёл к двери с ножом.

— Ты всегда ходишь к двери с ножом, — Крис разулся, прошёл на кухню, по дороге поднял стул, который Джет опрокинул ещё вчера, когда, от злости, пнул его ногой. Поставил на место. Ничего не сказал.

Он всегда так делал. Поднимал то, что Джет ронял. Молча.

— Зачем пришёл?

— А зачем я обычно прихожу?

— Клянчишь еду.

— Ты готовишь лучше, чем повар в доме моего отца. Это объективный факт.

Крис по-хозяйски зажёл конфорку под чайником и сел на стул, закинув ногу на ногу. С его волос капала вода, и он промокал их полотенцем, которое Джет бросил ему не глядя.

— Вы с Джаксом вчера куда-то ездили, — сказал Крис. Не вопрос — утверждение. — Я звонил ему, он сбросил. Написал, что у вас дело.

Джет молчал, глядя на шипящее масло в сковороде.

— Мы навестили одного человека, — сказал он наконец. — Детектива Квон А Ён. Она теперь занимается нашим делом.

Руки Криса замерли на полотенце.

— Вы наехали на копа?

— Мы поговорили. Я забрал кое-что, что она не должна была найти. И предложил сделку.

— Какую сделку?

— Неважно, она всё равно отказалась. Пока.

Крис смотрел на него — тем взглядом, который Джет не любил. Не осуждающим, нет. Испуганным. Крис боялся не за себя — за него. И это было хуже любого осуждения.

— Крис, — Джет повернулся к нему. — Я говорил тебе сто раз и скажу в сто первый. Уходи. У тебя есть семья, деньги, будущее. Тебе не нужно всё это.

— А тебе нужно?

— Мне поздно.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Они смотрели друг на друга. Чайник начал свистеть. Никто не двинулся.

— Ладно, — Крис первым отвёл взгляд. Встал, снял чайник с плиты. — Давай я порежу лук. Ты его кромсаешь, как будто он тебе лично должен.

Джет хмыкнул. Протянул ему нож рукояткой вперёд.

Они готовили вместе. Не яичницу — Крис притащил в пакете овощи, рис и соус, и из этого получилось что-то вроде полноценного обеда. За едой говорили о ерунде — о сериале, который Джакс заставил их смотреть, о том, что крыша в этой квартире протекает, о том, что Крис хочет научиться водить мотоцикл.

Джет слушал и чувствовал, как что-то внутри — маленькое, замёрзшее, забитое — оттаивает. Ненадолго. На время обеда. Потом снова замёрзнет, он знал. Но сейчас — сейчас было тепло.

Они помыли посуду. За окном начало темнеть — в Марлоу это происходило рано, особенно осенью, когда тучи опускались так низко, что казалось, можно дотянуться рукой.

Джет посмотрел на часы. Пора.

— Переодевайся, — сказал он. — Встречаемся с Джаксом через час.

Крис кивнул. Лёгкость исчезла с его лица, сменившись чем-то собранным, взрослым — и Джет в который раз подумал, что этот парень заслуживает лучшего. Лучшего, чем тёмная одежда, кепки, надвинутые на глаза, и встречи в сырых переулках Истсайда.

Они вышли в вечерний Марлоу. Туман поднимался от реки, обволакивая фонари мутным ореолом, где-то в порту гудел буксир. Джет поправил воротник куртки и подумал о Квон А Ён. О её глазах, когда она тянулась к пистолету, — не испуганных, а злых. О её «нет», которое звучало как «пока нет». О том, что она сидит сейчас в своей квартире на Мэйпл-стрит и думает о нём.

Он знал, что она думает о нём. Так же, как он думал о ней.

И это было опасно. Для обоих.

Глава 5

А Ён

Три дня на больничном, и А Ён уже разговаривала сама с собой. Не вслух — пока не вслух, — но внутренний монолог не замолкал ни на минуту. Она сидела на кухне своей квартиры в Хэмптоне, перед ней остывал третий за утро кофе, а на столе, заняв почти всю поверхность, расплзлась карта Марлоу, утыканная цветными кнопками. Красные — места ограблений Блондина. Синие — камеры наблюдения, на которых он засветился. Жёлтые — точки, где бросали угнанные машины. И одна зелёная — приют «Сент-Солас».

Да, Грант забрал у неё дело. Но Грант не забрал у неё голову.

Всё, что она накопила за полгода неофициальной работы — вырезки, записи, распечатки, — хранилось не в участке, а здесь, в картонной коробке из-под обуви, которая стояла на верхней полке шкафа. Маркус об этом не знал. Никто не знал.

А Ён отпила кофе, поморщилась — холодный, и вернулась к карте.

Квитанцию Джет может и забрал, но она помнила адрес склада, помнила имена из приюта, помнила номер фиктивного фонда. Память у неё была хорошая. Профессионально хорошая — она тренировала её с академии, записывая и перечитывая, пока информация не впечатывалась намертво.

Больше всего покоя А Ён не давали пять имён. Фиона Дженкинс, Сара Уэллс, Уолтер Грэйвс, Пол Фостер, Джет Эллингтон. Пять детей из закрытого приюта, которые выросли и — что? Стали преступниками? Все пятеро? Или только один, а остальные четверо жили обычной жизнью, не подозревая, что их товарищ по детдому грабит ювелирные магазины?

А Ён потянулась к ноутбуку. Официальных баз у неё сейчас не было — доступ заблокировали вместе с больничным, — но открытые источники никто не отменял. Социальные сети, публичные реестры, архивы местных газет.

Фиона Дженкинс была первая в её списке. Тридцать один год. Медсестра в клинике Святой Марии, Докленд. Замужем, двое детей. Фотографии в социальных сетях — улыбающаяся женщина с усталыми глазами, сначала на фоне рождественской ёлки, потом — на фоне детской площадки. Ничего подозрительного.

Сара Уэллс. Двадцать девять лет. Владелица маленькой цветочной лавки в Клейтоне. Не замужем. Личная страница полна букетов и котов. Тоже ничего.

Уолтер Грэйвс. Тридцать три года. Автомеханик. Истсайд. Судимость — мелкое хулиганство, десять лет назад. С тех пор чист. Социальных сетей нет.

Пол Фостер. Тридцать лет. И — пусто. Ни одной записи после выпуска из приюта. Ни адреса, ни работы, ни налоговой декларации. Человек-призрак.

А Ён откинулась на стуле. Пол Фостер исчез из системы. Это могло означать что угодно: сменил имя, уехал из страны, умер, ушёл в криминал. Или — работал с Джетом.

Она записала в блокнот: «Фостер — проверить. Грэйвс — Истсайд, возможно поддерживают связь. Дженкинс и Уэллс — вероятно, чисты».

Телефон на столе завибрировал. Пришло сообщение от Хлои:

«Обедаешь?»

А Ён посмотрела на часы. Половина второго. Она не завтракала.

«Сорри, занята»

«Ты на больничном. Чем ты можешь быть занята?»

«Уборкой»

«Врёшь. Через 20 минут буду у тебя. Везу еду. Не спорь»

А Ён убрала карту со стола, сложила записи в коробку и задвинула её на полку. Хлоя была подругой, но она также была полицейским, и если увидит домашнее расследование отстранённого детектива — будет обязана доложить. Или не будет. С Хлоей никогда нельзя было знать наверняка.

Через двадцать минут — ровно двадцать, Хлоя была пунктуальна, как швейцарские часы, — в дверь позвонили. А Ён открыла и обнаружила на пороге растрёпанную блондинку с двумя бумажными пакетами, из которых пахло чем-то горячим и чесночным.

— Тайская лапша, — объявила Хлоя, проходя внутрь без приглашения. — И не говори, что не голодная. У тебя лицо человека, который питается кофе и злостью.

— Я питаюсь кофе и целеустремлённостью. Это разные вещи.

Хлоя фыркнула и прошла на кухню. Её взгляд — быстрый, цепкий, профессиональный — скользнул по столу, по стенам, по полке шкафа. А Ён сделала вид, что не заметила.

Они ели, сидя на кухне, и разговаривали о ерунде — о новом сериале, о том, что Бенни наконец починил принтер (и тот сломался снова через час), о том, что Сэм пригласил на свидание девушку из бухгалтерии и получил отказ. Нормальная, человеческая болтовня, от которой А Ён отвыкла за три дня одиночества.

— Как в участке? — спросила она, стараясь, чтобы вопрос прозвучал небрежно.

— Нормально. Грант ходит мрачный, но это его обычное состояние, — Хлоя помолчала, накручивая лапшу на вилку. — Дело Блондина передали Коннорсу.

— Коннорсу?! — А Ён едва не подавилась. Рэй Коннорс был детективом с двадцатилетним стажем и репутацией человека, который закрывает дела не раскрывая их — просто перекладывает в архив, когда начальство перестаёт спрашивать. — Он же похоронит его за неделю!

— Вероятно, в этом и смысл. Грант не хочет, чтобы кто-то ещё пострадал.

— Никто не пострадал! Он просто...

— Влез в твою квартиру, А Ён. Вооружённый. Ночью, — Хлоя посмотрела на неё прямо. — Это не «просто». И ты это знаешь.

А Ён замолчала. Хлоя была права, и это бесило больше всего.

— Ладно, — Хлоя сменила тон, будто переключила канал. — Расскажи мне про Дилана. Что ему нужно?

— Его сестра пропала. Джули, шестнадцать лет.

— Я видела заявление. Бенни передал его в отдел пропавших. Но, А Ён... — Хлоя замаялась. — Ты уверена, что хочешь в это лезть? С учётом вашей истории?

— Джули ни при чём. Она ребёнок.

— Я не про Джули. Я про тебя. Ты только что потеряла дело, на которое потратила полгода. Ты на «больничном». И вместо того чтобы отдохнуть, ты берёшь на себя ещё одну проблему. Причём связанную с человеком, который...

— Хлоя.

— Который сломал тебе жизнь.

Тишина. За окном шёл дождь. В Марлоу всегда шёл дождь.

— Он не сломал мне жизнь, — тихо сказала А Ён. — Он потратил моё время. Это разные вещи.

Хлоя смотрела на неё долго, потом кивнула — не соглашаясь, а принимая. Это было одно из качеств, за которые А Ён её ценила: Хлоя умела не соглашаться молча.

— Ладно. Если тебе нужна помощь с Джули — скажи. Я могу пробить кое-что по своим каналам. Неофициально.

— Спасибо.

— И ещё, — Хлоя встала, собирая пустые контейнеры. — В участке ходят слухи. Про серию на Истсайде.

А Ён подняла голову.

— Какую серию?

— Убийства. Три за последние два месяца. Молодые женщины, все — Истсайд, все — задушены. Почерк одинаковый. Дело ведёт следователь из Восточного подразделения, некий Оуэн. Маркус упоминал его на совещании — говорит, толковый мужик, старая школа.

— И при чём тут я?

— Ни при чём. Пока. Просто... — Хлоя надела куртку, застегнула молнию. — Истсайд сейчас беспокойное место. А ты, зная тебя, полезешь именно туда.

— С чего ты взяла?

Хлоя посмотрела на неё с выражением, которое говорило: «Мы обе знаем, с чего». Потом улыбнулась — коротко, тепло — и ушла.

А Ён закрыла за ней дверь, постояла в прихожей, слушая удаляющиеся шаги. Потом вернулась на кухню, достала коробку с полки и снова разложила карту на столе.

Истсайд. Три убийства. Пропавшая Джули. Джет Эллингтон.

Все нити вели в одну сторону — через мост, на восточный берег реки, туда, где Марлоу переставал притворяться приличным городом.

А Ён взяла красный маркер и обвела Истсайд жирным кругом.

Джет

Бар назывался «Ржавый гвоздь», — и название было единственным честным в этом заведении. Всё остальное врало: вывеска обещала «лучший стейк в Докленде», меню — «домашнюю атмосферу», а бармен — «чистые стаканы». Джет бывал здесь достаточно часто, чтобы не верить ни одному из этих обещаний, но бар стоял на нейтральной территории, и это было важнее стейков.

Они пришли вчетвером. Джет и Крис — через главный вход. Джакс — через заднюю дверь, как всегда, потому что Джакс считал, что главные входы — для людей без воображения. И Фи — новенькая, — уже сидела за угловым столиком, когда они вошли.

Фиона Ли. Двадцать четыре года. Худая, жилистая, с короткой стрижкой и взглядом человека, который видел достаточно, чтобы перестать удивляться, но недостаточно, чтобы перестать злиться. Она прибилась к ним два месяца назад — пришла к Джаксу с просьбой о помощи, осталась с предложением о работе. Джет ей не доверял. Он никому не доверял сразу, это было правило, которое держало его на свободе.

— Опаздываете, — сказала Фи, не поднимая глаз от телефона.

— Мы не опаздываем. Ты пришла рано, — Джакс плюхнулся на стул рядом с ней и тут же махнул бармену. — Четыре пива. Нет, три пива и... Крис, тебе что?

— Колу.

— Три пива и колу. И не из той бутылки, Фрэнки, я видел, что ты туда доливаешь воду.

Бармен — лысый, широкоплечий мужчина с татуировкой якоря на шее — показал Джаксу средний палец и пошёл за заказом. Джакс расценил это как знак глубокого уважения.

Джет сел напротив Фи. Крис — рядом с ним, чуть ближе, чем нужно, как щенок, который жмётся к хозяину в незнакомом месте. Джет это заметил, но ничего не сказал.

— Итак, — начал он, когда принесли напитки. — Докладывай.

Фи отложила телефон и достала из кармана куртки сложенный вчетверо листок. Развернула, положила на стол. Схема — нарисованная от руки, но аккуратная: здание, входы, камеры, маршруты охраны.

— Ломбард Ковальски на Третьей улице, — сказала она. — Скупает краденое со всего Истсайда. Два охранника, оба — бывшие вышибалы из клуба на Портовой. Камеры — четыре

штуки, но одна не работает уже месяц, а вторая смотрит в стену, потому что кто-то её повернул и забыл вернуть. Сейф в подсобке, код меняют раз в неделю, по понедельникам.

— Откуда знаешь про код? — спросил Джет.

— Подружилась с продавщицей. Она ненавидит Ковальски больше, чем мы.

Джакс присвистнул.

— А что в сейфе?

— Наличные. Много. Ковальски не доверяет банкам после того как ему заморозили счёт два года назад, он держит всё в кэше. По моим прикидкам — от пятидесяти до семидесяти тысяч.

Крис тихо выдохнул. Джет посмотрел на него — быстро, оценивающе — и снова повернулся к Фи.

— Охрана?

— Смена в полночь. Между двенадцатью и двенадцатью пятнадцатью — окно. Один уходит, второй ещё не пришёл. Пятнадцать минут.

— Мало.

— Достаточно, если знать, что делаешь.

Джет взял листок, изучил схему. Линии были ровные, пометки — чёткие. Фи была аккуратна. Это ему нравилось, но иногда и настораживало.

— Когда? — спросил Джакс, отпивая пиво.

— Не раньше следующей недели, — ответил Джет. — Мне нужно проверить всё самому. Фи, ты ходила туда днём?

— Дважды. Как покупательница.

— Сходи ещё раз. Обрати внимание на заднюю дверь — на схеме ты не отметила замок, но я хочу убедиться. И узнай, есть ли сигнализация, подключённая напрямую к полиции.

Фи кивнула. Ни вопросов, ни возражений. Хорошее качество.

— А мне что делать? — спросил Крис.

— Ничего.

— Джет...

— Ты остаёшься в машине. Как всегда.

Крис сжал челюсти. Джет видел, как в нём борются обида и понимание, и знал, что обида победит — но ненадолго. Крис злился, потом остывал, потом снова злился. Цикл повторялся каждый раз, и каждый раз Джет надеялся, что однажды парень разозлится достаточно сильно, чтобы уйти. Уйти и не вернуться.

— Ладно, — Крис отвернулся, делая глоток принесенной колы с видом человека, которому подали яд.

Джакс, уловив напряжение, быстро перевёл тему:

— Кстати, слышали новость? На Истсайде опять нашли тело. Четвёртая за три месяца. Девчонка, лет двадцати. Задущена.

Стол замолчал. Фи подняла глаза от схемы. Крис перестал дуться.

— Где? — спросил Джет.

— Переулок за прачечной на Кларк-стрит. Копы приехали, потоптались, уехали. Как обычно, Истсайд никого волнует.

— Четвёртая, — повторила Фи. Её голос стал другим — жёстче, тише. — Все молодые?

— Да. И все — местные. Не проститутки, не наркоманки. Обычные девчонки. Одна работала в супермаркете, другая — в кафе на Портовой, — Джакс покрутил стакан в руках. — Народ на Истсайде нервничает. Люди боятся выходить вечером.

Джет молчал. Он думал о том, что обычно его не волновало и о информации, которую ему было привычнее обходить стороной. Дело Четвертого участка о пропавшей девочке Джули, за

которым лично следит детектив Квон. Если он что-то узнает, это будет хорошим аргументом в их следующем разговоре. А Джет был уверен, что он состоится.

— Фи, — сказал он. — Ты знаешь людей на Кларк-стрит?

— Кое-кого. А что?

— Поспрашивай. Аккуратно, но не про убийства — про машины. Новые, подозрительные серые машины с грязными номерами, которые крутились в районе в последние недели.

Фи посмотрела на него с интересом, но вопросов не задала. Кивнула. Джакс допил пиво и поставил стакан на стол с глухим стуком.

— Джет, ты же не собираешься...

— Я собираюсь ограбить ломбард Ковальски. Всё остальное — потом.

Но «потом» уже стучалось в дверь. Джет это чувствовал — тем же чутьём, которое не давало ему попасться все эти годы. Что-то менялось в Марлоу. Что-то тёмное, тяжёлое, не имеющее отношения ни к его грабежам, ни к полицейским, накрывало откуда-то сверху.

Он допил пиво, оставил на столе купюру и встал.

— Расходимся. Фи — схема и задняя дверь. Джакс — машина и маршрут отхода. Крис — домой.

— Я не...

— Домой, Крис.

Парень посмотрел на него — долго, обиженно, по-детски — и вышел первым, хлопнув дверью. Фи ушла следом, бесшумно, как кошка. Джакс задержался.

— Ты думаешь о той девчонке, — сказал он. Не вопрос.

— О какой?

— О пропавшей. Той, которой интересуется твоя любимая полицейская.

— Она не моя.

— Ага. И ты не думаешь о ней каждые пять минут, — Джакс хлопнул его по плечу. — Осторожнее, Джет. Мы воры, а не герои. Герои плохо заканчивают.

Джакс ушёл. Джет остался один около столика, в полупустом баре, под тусклым светом лампы, которая мигала каждые тридцать секунд. Бармен протирает стаканы, по радио играло что-то старое игрустное.

Джет достал телефон. Открыл контакты. Пролистал до номера, который сохранил три дня назад, — номера, который он не должен был знать, но знал.

Квон А Ён. Палец завис над кнопкой вызова, но подумав, Джет убрал телефон.

Ещё не время.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.